Д О В И Д   К Н У Т

Избранные стихи

П А Р И Ж

ДОВИД КНУТ

Избранные стихи

ПАРИЖ

ИЗ КНИГ

МОИХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВ

ПАРИЖСКИЕ НОЧИ

НАСУЩНАЯ ЛЮБОВЬ

И

ИЗ ЦИКЛА

ПРАРОДИНА

ИЗ КНИГИ

МОИХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Я,

Довид-Ари бен Меир,
Сын Меира-Кто-Просвещает-Тьмы,
Рожденный у подножья Иваноса,
В краю обильном скудной мамалыги,
Овечьих брынз и острых качкавалов,
В краю лесов, бугаев крепкоудых,
Веселых вин и женщин бронзогрудых,
Где, средь степей и рыжей кукурузы,
Еще кочуют дымные костры
И таборы цыган;

Я,
Довид-Ари бен Меир,
Кто отроком пел гневному Саулу,
Кто дал
Израиля мятежным сыновьям
Шестиконечный щит;

Я,
Довид-Ари,
Чей пращ исторг
Предсмертные проклятья Голиафа,
Того, от чьей ступни дрожали горы,
Пришел в ваш стан учиться вашим песням,
Но вскоре вам скажу
Мою.

Я помню все:
Пустыни Ханаана,
Пески и финики горячей Палестины,
Гортанный стон арабских караванов,
Ливанский кедр и скуку древних стен
Святого Иерушалайми.

И страшный час:
Обвал, и треск, и грохоты Синая,
Когда в огне разверзлось с громом небо
И в чугуне отягощенных туч
Возник, тугой, и в мареве глядел
На тлю заблудшую, что корчилась в песке,
Тяжелый глаз Владыки-Адоная.

Я помню все: скорбь вавилонских рек,
И скрип телег, и дребезги кинор,
И дым, и вонь отцовской бакалейки —
Айва, халва, чеснок и папушой —
Где я стерег от смуглых молдаван
Заплесневелые рогали и тарань.

Я,
Довид-Ари бен Меир,
Тысячелетия бродившее вино,
Остановился на песке путей,
Чтобы сказать вам, братья, слово
Про тяжкий груз любови и тоски —

Блаженный груз моих тысячелетий.

Ж Е Н А

Ты рыжей легла пустыней.
Твой глаз
Встает, как черное солнце,
Меж холмами восставших грудей.

Вечер огненный стынет.
С сердцем, растресканным жаждой
(Уже не однажды, не дважды...)
Ищу и ищу колодца.
Здесь гибли верблюды и люди.
Под реянье вечных мелодий.
С предсмертным криком о чуде.
Было.
Есть.
Будет.

Под песками отлогих бедер
Узко
В тугом молчаньи
Ходит тугой мускул
От ветра моих желаний.

Будет самум. Тучи!
А мы босы и наги.
В тоске и жажде
Влаги
Распаленный требует рот.
Скоро самум! Могучий
Мелко бьется живот.

За легким взгорьем
Стоит и ждет верблюд.
Скоро последний труд!
Скоро в песках самума — встреча, крик, борьба.

Алчба!...
Господи, спаси и помилуй.

М Е Н А

I

За одну, дорогая, улыбку
Вот — бери молодого верблюда,
Вот — цветную складную палатку,
Две плетенки маслин из Эль-Хивы,
Пару темных арабских запястий,
Я сниму с себя кованый пояс,
Я добавлю зеленое мыло —

За одну, дорогая, улыбку —

И удачливый буду купец.

II

Чтоб коснуться — на миг только — глазом
Твоих козьих оливковых грудей,
Я богов тебе дам чужестранных,
И коробку из кожи, и ложку,
И другие дорогие вещи,
Что достались мне от каравана,
Шедшего на юг от Эль-Кореим.
Дам железные серьги с смарагдом,
Два меха, не знавших доныне
И капельки капли воды,
Дам орехов, и масл, и гранатов,
И сандалий, и тканей пунцовых,

Чтоб коснуться, прелестная, глазом
Твоих козьих оливковых грудей —

И удачливый буду купец.

III

За веревочный старый нагрудник,
Что пропах теплой солью загара
Твоих грудей, что бьются при беге
Как некие пленные птицы,
Отсеку себе руки и ноги,
Положу небывалым агатом
Пред тобою мой преданный глаз.

За веревочный старый нагрудник —

И останусь еще в барыше.

С А Р Р А

Сарра,
Мой мед,
От дыханья песков Ханаана
Тяжелый и теплый,
Агарью
Под ласкою бьешься,
Испуская сладкие вопли
В недвижный стеклянный вечер
И звенящий песок
Пустынь.

Раскинув горячие ноги,
Разверзши последнюю тайну,
Агарью-язычницей стонешь
Под грузом
Счастливым
Меня.

П Ы Л Ь

Пыль
Дорог.
Ковыль.
Песок.
Зной.
Пой,
Бог.

СНЕГ В ПАРИЖЕ

Тихо падает снег
На шляпы, трамваи, крыши.
Тихо падает снег,
Все глуше, белее, тише.

Черти ли чинят погром,
Порют Божьи перины?
Ангел ли стелет ковром
Оброны райских кринов?

Или дыханье рек,
Мое и других животных
И впрямь обратил Он в снег,
Нежный, простой, бесплотный?...

Ах, не преть бы сейчас
В этом тумане Парижа,
Где тускл человечий глаз,
Где сердце носят, как грыжу.

Но открыть глаза — и стать
В огромном белом поле,
Где белая ширь — благодать,
Где страшная белая воля.

Чтоб не видеть, не знать, не гадать,
И когда раскалит скулы,
Не ждать огонька, что как тать
Мигнул бы из снежных разгулов.

Чтоб горел я, Божья свеча,
Один — в степном урагане.
Чтобы тужился, бился, звучал,
Как струна, в ураганном органе.

Стоять, закрыв глаза,
И белую слушать негу...
Знать: нельзя назад.
Обрастать тоской и снегом.

И став святее детей,
И простив Ему всю обиду,
Слушать, слушать метель,
Стыть, как забытый идол.

С Т Р А Х

В скучном рассеянном мреяньи,
Свистом осенним гоним,
Теряю без сожаления
Сухие отцветшие дни.

Лишь помню, как в старенькой шали ты
Гуляла со мной до зари.
На глади столичной асфальтовой
Твердо стоят фонари.

Хорошо фонарям — они знают:
Что, куда, зачем.
Каждый вечер их зажигает
Фонарщик с огнем на плече.

А мой Нерадивый Фонарщик,
Зачем Ты меня возжег?
Поставил распахнутым настежь
На ветру четырех дорог?

Поставил меня в тумане,
Где смутен мне собственный след.
Обрек — из недр молчанья
Исторгать только блуд и бред.

По пустынным шляемся улицам
Я и брат мой — беспутный ветр.
За трубой неуклюже сутулится
Городской оголтелый рассвет.

Вот стоим перед вечной вечностью
Этот страшный мир — и я.
Не спастись мне даже беспечностью
От дыры небытия.

У С Е Н Ы

Свинцовый вечер,
        туман и одиночество.
Хриплый ветер
        и фонари моста.
Вонючий кто-то, без имени, без отчества...
Пустое небо, сырая пустота.

А рядом — люди,
        безносые, безглазые.
Он мнет ей груди
        за двадцать-тридцать су.
Лоснится жадностью лицо его чумазое.
Она покорствует. За небольшой посул.

Вот автобус придет из кущей Сен-Мишеля,
И задымит всклокоченный туман,
И ток всплеснет в своей гранитной щели,
И, вздрогнувши, качнется Нотр-Дам...
И лишь фонарь, упрямый и бесстрастный,
И не мигнет зрачком зелено-красным.

Домой, к стихам! Мой вечер не стихи-ль?
Ра — хиль!...

МОЙ ЧАС

Когда распахнет ворота
Твердый фабричный гудок,
Смиренен, прост и кроток,
Иду я в мой дом.

И, как Понтий, умыв руки,
Сбросив мир с моего плеча,
Я вхожу в бесподобные муки,
В мой высокий торжественный час.

Вот для этого малого часа
Я столетья живу ослом,
Пью чай и ем мясо,
Разговариваю обо всем.

Вот для этого долгого часа
Соглашаюсь на вонь и зуд,
На печаль недородов и засух
Что венчают любовь и труд.

Дожидаюсь — глухой и незрячий —
Отдаленной вести о т о м,
Чтобы буквой навеки означить
Мою скуку и мой восторг.

П О К О Р Н О С Т Ь

Лежу под Тобою, Господи,
И так мне отраден груз.
Смотри: неустанно покорствую —
Тружусь, молюсь, боюсь.

Принимаю земные работы —
Принимаю пищу и труд.
Каждый день выхожу на заботы
И волнуюсь, спешу, ору.

Никакими пудами земными,
Превосходный Отец мой, не взвесить
Одно Твое Имя,
А Ты на мне весь.

Хожу, богомольный скиталец,
С тяжелым Тобой на спине,
А один Твой, Боже мой, палец
Раздавит сто вселенных.

Ни о чем Тебя не спрашиваю,
Каждый день ухожу на завод.
Терпеливо ношу-изнашиваю
Мою смерть и мой живот.

А П О Ф Е О З

Молчать.
Замкнуть непристойные губы.
На язык неподобный и грубый
Каленая ляжет печать.

В тишине,
Небывалой,
Огромной,
Глушительной,
Почтительно восстанут уши.
Слушать.

Господи, видишь:

Стою
Мал,
Нем,
Прост.
Аз есмь
Шелудивый пес.
Аз есмь последняя гнида,
Сосущая Твое вымя.

Молчать.
Растопить в молчании душу.
Слушать.

И вот
В тишине
Мне
Весть:
Есть.

И вот
В полутьме
Мне
Песнь:
Здесь.

И вот
В пустоте
Мне
Знак:
Так.

Светом тихим озарило,
Горним духом осенило,
Вешним счастьем закадило.

Всем, Господи,
Даждь благодать.
Всем, мой Боже:
  — Чьи души в копоти,
  — На людей непохожим,
  — Странным-перехожим,
  — Всем харям и рожам
  Твоего улова.

Господи !
Не дышу.
Не стою.
Не смею —
В небесном ропоте,
В райском топоте,
Синеет — реет — Слово.

Неизъяснимое.
Бесподобное.
Неповторное.

ИЗ
ВТОРОЙ КНИГИ СТИХОВ

Я НЕ УМРУ

Я не умру. И разве может быть,
Чтоб — без меня — в ликующем пространстве
Земля чертила огненную нить
Бессмысленного, радостного странствия.

Не может быть, чтоб — без меня — земля,
Катясь в мирах, цвела и отцветала,
Чтоб без меня шумели тополя,
Чтоб снег кружился, а меня — не стало!

Не может быть. Я утверждаю: нет.
Я буду жить, тугой, упрямолобый,
И в страшный час, в опустошенном сне,
Я оттолкну руками крышку гроба.

Я оттолкну и крикну: не хочу!
Мне надо этой радости незрячей!
Мне с милою гулять — плечом к плечу!
Мне надо солнце словом обозначить!...

Нет, в душный ящик вам не уложить
Отвергнувшего тлен, судьбу и сроки.
Я жить хочу, и буду жить и жить,
И в пустоте копить пустые строки.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Смиренномудро отвращаю слух
От неба, что мне ангелы раскрыли.
Мне-ль, недостойному, вдруг возвестит петух
Огонь и пенье лучезарных крылий!

Благодарю Тебя за все: за хлеб,
За пыль и жар моей дороги скудной,
За то, что я не навсегда ослеп
Для радости, отчаянной и трудной.

За эту плоть, Тобою обреченную
Вину и хлебу, букве и жене.
За сердце, древним сном отягощенное,
За жизнь и смерть, доверенные мне.

За то, что с детства слышал в небе трубы я
И видел перст, суровый и большой.
За то, что тело, бедное и грубое,
Ты посолил веселою душой.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Исполнятся поставленные сроки —
Мы отлетим беспечною гурьбой
Туда, где счастья трудного уроки
Окажутся младенческой игрой.

Мы пролетим сквозь бездны и созвездья
В обещанный божественный приют
Принять за все достойное возмездье —
За нашу горечь, мужество и блуд.

Но знаю я: не хватит сил у сердца,
Уже не помнящего ни о чем,
Понять, что будет и без нас вертеться
Земной — убогий — драгоценный ком.

Там, в холодке сладчайшего эфира,
Следя за глыбой, тонущей вдали,
Мы обожжемся памятью о сиром,
Тяжеловесном счастии земли.

Мы вдруг поймем: кусок земного хлеба
И пыль земли, невзрачной и рябой,
Дороже нам сияющего неба,
Пустыни серебристо-голубой.

И благородство гордого пейзажа —
Пространств и звезд, горящих как заря,
Нам не заменит яблони, ни даже
Кривого городского фонаря.

И мы попросим набожно и страстно
О древней сладостной животной мгле,
О новой жизни, бедной и прекрасной,
На милой, на мучительной земле.

Мне думается: позови нас, Боже,
За семь небес, в простор блаженный свой,
Мы даже там — прости — вздохнем, быть может,
По той тщете, что мы зовем землей.

Б Е Р Е Г

Лежу на грубом берегу,
Соленым воздухом согретый,
И жизнь любовно берегу,
Дар многой радости и света.
И сердце солнцем прокалив,
Его очистив от желаний,
Я слышу царственный прилив
Невозмутимого сиянья.

Так, овеваемый волной
В веках испытанного счастья,
Я принимаю труд и зной,
И предвкушаю хлеб земной,
Как набожное сопричастье
Вселенной, трудной и благой.

ЗА МИЛЫЙ ГОЛОС

Пусть жизнь становится мутней и непролазней,
Пусть трудно с человеком говорить,
Пусть все бесплодней труд и несуразней,
Благодарю Тебя за право: жить.

Пусть шаткие и гибельные годы
Качают нас в туманах и дыму,
Как утлые речные пароходы,
Плывя в океаническую тьму —

Воистину, ничтожна эта плата:
Слеза и вздох — за степь, за песнь вдали,
За милый голос, за глаза собрата,
За воздух жизнерадостной земли.

ПОХВАЛА ЛЕНИ

Розовеет гранит в нежной стали тяжелого моря.
В небе медленно плавится радостный облачный снег.
На нагретой скале, позабыв про удачу и горе,
На вершине ее — одиноко лежит человек.

Человек — это я. Незаметный и будто ненужный,
Я лежу на скале, никуда — ни на что — не смотря...
Слышу соль и простор, и с волною заранее дружный,
Я лежу, как тюлень, я дышу — и как будто бы зря!

Он огромен, мой труд. Беззаботный, но опытный мастер,
Я себя научил неустанно и верно хранить
Память древней земли, плотный свет безусловного счастья,
Дар, веками скопленный: лежать, растворяться, любить.

П О Д В И Г

В дремучей скуке жизни бесполезной
Блюсти закон и ежедневный блуд,
Работать, есть и спать почти над бездной —
Вот праведный и мужественный труд.

Жить полной волей, страстной и упрямой,
В однообразьи оловянных дней.
Ходить упруго, весело и прямо
Навстречу верной гибели своей.

Нет подвига достойнее и выше:
Так жить, чтоб ничего не отдавать
Ни за бессмертье, что порой предслышим,
Ни за прошедших жизней благодать.

РОЖДЕНИЕ МИРА

Я вышел. Вкруг меня, как по приказу,
Восстала жизнь, оформилось ничто.
Гудя, ревя, мыча — рванулись сразу
Стада людей, трамваев и авто.

Я в центре возникающего мира.
По радиусам от меня бегут
Деревья, камни, храмы и трактиры,
Где суетятся смерть, любовь и труд.

Мир призраков, свободный и безбрежный,
Вдруг воплотился, ожил и живет,
И, повинуясь воле центробежной,
Встает и крепнет, ширится, растет.

Мне каждый шаг являет воплощенье:
Вот дом возник из дыма и песка,
Взглянул — и вот, в невероятной лени,
Катятся голубые облака...

Моим хотеньем, чувственным и грубым,
Рожден пленительный и сложный мир:
Летит авто, дымят печные трубы
И реют звуки еле-слышных лир.

Б О Р Ь Б А

Я был пылинкою в игре миросмешений,
Я еле был — в полунебытии...
Душа качала в первобытной лени
Видения бесцветные свои.

Я шел, кружась, сквозь пустоту и бездны,
Сквозь сладость первозданного огня,
Весь осиянный счастьем бесполезным,
Неудержимой радостью звеня.

И там, где — ветром никогда не бита —
Душа росла в пространствах, как трава,
Где шли, моим покорные орбитам,
Веселые и нужные слова,

Где тишина цвела, благоухая миром,
Пришла ко мне — и возмутила кровь! —
Из хаоса и тьмы грохочущего мира
Незваная враждебная любовь.

Она пришла ко мне безжалостно и грубо
Сломать мой круг, мой стих, мою судьбу.
И душу обожгла, и опалила губы,
Чтоб солью огненной томить мою алчбу.

Вот ворвалась, пошла кружить и бесноваться,
Дыша стыдом, томленьем и тоской...
Остерегайся, ты, посмевшая ворваться
В мой гармонический покой!

В пустыне и огне, к отравленным колодцам,
Как некогда, меня швырнуть ты хочешь вновь,
Но снова, тверд и горд, иду с тобой бороться.
Любовь, обрушься! Трепещи, любовь!

Не доверяй себе. Беги единоборства!
Вот в этом теле — бедном, как ковыль —
Сокровища стихов, терпенья и упорства,
Которые скалу разрушат в пыль.

Тяжка твоя ладонь, и я паду, быть может,
Но ныне я тебе велю:
Не слушай — не поверь! — дрожи смертельной дрожью,
Когда я крикну, сломанный, «люблю».

ПЕСКИ И ГОДЫ

В труде и любви соблюдая святые заветы,
Израиль плодился и шел по Господним следам.
Ему предстояли бессменно небесные светы,
Вел ангел верблюдов, и женщин, и козьи стада.

Меня до рожденья спасала рука Адоная.
Меня зачинал издалека в косматой траве
Тот грязный дикарь, что рыдал у подножья Синая,
Колючебородый трусливый и набожный зверь.

Нужны были годы, огромные древние годы
Псалмов и проклятий, торжеств, ликований — и мглы,
Блистательных царств, урожаев, проказы, невзгоды,
Побед, беззаконий, хвалений и дикой хулы,

Нужны были годы, века безнадежных блужданий,
Прокисшие хлебы и горький сжигающий мед,
Глухие века пресмыканья, молитв и рыданий,
Пустынное солнце и страшный пустынный исход,

Мучительный путь сквозь пожары и дымы столетий,
Сквозь гибель, позор, торжество, нескончаемый путь,
Затем чтоб теперь на блестящем салонном паркете
Я мог поклониться тебе, улыбнувшись чуть-чуть.

Какие пески отдаляли далекую встречу,
Какие века разделяли блуждающих нас!
А ныне мы вместе, мы рядом, и вот даже нечем
Засыпать голодную бездну раскрывшихся глаз.

И только осталось твое озаренное имя.
Как хлебом питаться им — жадную душу кормить,
И только осталось пустыми ночами моими
Звериную муку мою благодарно хранить.

Спокойно платить этой жизнью отрадной и нищей,
За нежность твоих — утомленных любовию — плеч,
За право тебя приводить на мое пепелище,
За тайное право: с тобою обняться и лечь.

Д В А   Г Л А З А

Два глаза — два окна в победоносный воздух !
Я много лет их у Тебя просил !
Две вести о крылах, о чудесах и звездах,
Два обещанья радости и сил.

Два глаза — два окна, распахнутые настежь
В края невероятной полноты.
Две двери в очистительное счастье —
В очарованье райской наготы.

Два глаза — две страны, две радостные сферы
Бесстыдной и ликующей любви,
Два праведных луча, два страстных знака веры,
Два раза утвержденное: живи.

ГОРДОСТЬ

Прочь,
С дикой жизнью своею, с делами, с гробами своими.
Мне не нужен никто, а вам не хочу я помочь.
Ныне во мне пребывает любимое Имя.
Господи, научи счастье мое превозмочь!

Я отвергаю алчбу, унижение, жалость и холод!
Ныне открыта мне радость отчаянных лет.
Именем трудным моим свод небес потрясен и расколот.
Именем легким моим бедный мир окрылен и согрет.

Небо, сияй иль греми — я смеюсь над твоим приговором!
Земля, уходи из под ног — я останусь средь гневных высот.
Светоносное Имя
Меня,
Среди яростной облачной своры,
Озарит в темноте торжеством, утвердит в пустоте, вознесет.

Многолюбимая,
Ты,
Прости, что убогие строки
Тенью твоею я ныне посмел освятить.

К О В Ч Е Г

I

Я много дней его смолил,
Ночами щели конопатил.
Ночами камни, землю, ил
Носил в потемках по лопате.

И после долгих дней труда
Пришли обещанные сроки —
И дикая взнесла вода
Ковчег уклюжий и высокий.

Ковчег плывет — и о борты
Напрасно бьются крики мира.
О, пенье нежное эфира
В краях нездешней высоты.

Подводные минуя камни
Людской корысти, слов и дел,
Я вдруг узнаю, как легка мне
Моя душа — и мой удел.

Плывем, поем согласным стадом —
Утробный рык, и писк, и крик!
Нас ждет за Араратским садом
Большой и ласковый старик.

И не для вас, и не для рифмы
(Твоя игра, земная смердь!)
Страдания избегнем риф мы,
Преодолев живот и смерть.

Что мне ожоги ветра, зноя!
Я слышу розы и миндаль...
У райских врат предвижу Ноя.
Он щурит глаз, он смотрит в даль.

Плыву к тебе, плыву, товарищ,
Звериных, милых душ пастух.
Какие вина гостю сваришь
За ветер, страх и темноту?

О, друг блаженный и ровесник,
Мне тяжесть всякая легка,
Но пусть скорей летит твой вестник —
Листок зеленый голубка.

II

Такую даль увидеть вам во сне бы!
Ковчег мой шел по ангельским следам.
Под ним качалось и ревело небо,
Над ним гремела и неслась вода.

Еще гудел оркестр людских веселий,
Еще худели дети бедняков,
Бил колокол, кружились карусели,
И от борьбы еще дрожал альков,

Когда разверзлись мстительные бездны
И гибнущая дрогнула земля !
И хлынул дождь, и грянул град железный,
И ветер выл, взрываясь и пыля.

Кричали звери и ревели люди,
Обрушивались горы и дома...
Где память дружб, любимых ног и грудей!
О, этот вой ! О, этот плач и тьма.

Ты тяжек был, мой плодотворный жребий —
Ковчег стоял, он ждал средь гор и скал,
И вот — идет в неумолимом небе,
И в клочья рвет грома и облака.

III

Благословляю дыханье маслины.
Уж воздух сиял, напоенный вином,
И горние к нам подплывали долины,
Когда голубок постучался в окно.

Качалась гора — и от ангельских крылий
Легчайший летел над горой аромат,
И руки рванули, и настежь раскрыли
Ковчег, под которым восстал Арарат.

И вот выхожу к многовласому Ною.
Что горе и пепел недавних разлук!
О, брат мой высокий. Иду — и за мною
Орел и верблюд, носорог и паук...

О, милые прелести трудного рая.
Нежнейших эфиров колышется сень.
По райскому саду неспешно гуляю —
Босыми стопами по райской росе...

Мы ищем, мы свищем — эй, Господи, где Ты?
И крик — будто песня в счастливой груди.
И белые руки в эфирах воздеты,
И ангел над нами летит и глядит.

IV

Вдруг воздух заиграл, колебля переливы,
И полыхнул — Его глаза !
За стройным ангелом Он шел неторопливо.
И вот — Он стал. И вот — сказал :

— «За то, что ты спасал для праведных селений
Стада надежд и стаи слов,
Что табуны Мои от гибели и лени
Твое спасло — твое — весло,

— «Что из трясин и бездн ты вывел непролазных
И в горьких водах вел ковчег,
Что огибал обман и острова соблазнов,
И шел на свет, и не спросил — зачем;

— «Что в бурях и дождях растил ты чудный колос,
Что им питал стада, стада...
И в каждом шелесте стерег и слушал голос,
Что реял над тобой всегда;

— «Что был напрасен гром воды быстротекущей
Пред крепкою твоей рукой —
Я говорю: взойди на розы райских кущей
И ляг, и пей, вкушай покой.

— «Я видел — высока была твоя работа.
Взгляни на Судные весы:
Ты был упрям и тверд в борьбе водоворотов,
Приветствую тебя, Мой сын!»

...И улыбался Ной, и счастье в кущах спело —
Блаженств и тишины часы!
И плыл великий свет, и все цвело и пело:
«Приветствую тебя, Мой сын».

М У З Ы К А

Я все веселья отдаю — и рад —
За слабый звон нездешних струн и смеха,
За переброшенное сотни крат,
Из тьмы во тьму летающее эхо.

В полночный час я стерегу простор.
Коплю улов, дрожащий в лунном свете...
Плыви в меня, таинственный восторг!
Я жду тебя, стою голодной сетью!

На что мне — слезы, радость и печаль!
На что мне пыль и шум земной услады!
Душа моя, прощайся — и отчаль
В тишайший край незыблемой прохлады!

Течет и плещет тихий океан
И берега холодные чарует...
Я слышу песню мимолетных стран,
Что благосклонно выплеснули струи.

Я слышу невозможные миры —
И я иду, счастливый и покорный,
Туда, где — знаки выспренней игры —
Качаются серебряные зерна.

О, Господи, промолви мне: растай ! —
И кану в тьму, благодаря и веря.
Как сладок ропот музыкальных стай,
Что плещутся о Твой зеленый берег !

Т И Ш И Н А

I

Сияющий песок у запыленных ног.
Гудит небытие огромной тишиною.
Опустошен, блажен и одинок,
Стою и слушаю — в пыли и зное.

Неутолимым сном опалена,
Душа ведет меня в огонь и соль пустыни.
Встает миражем сонная страна,
Где все недвижно, благостно и сине.

...Мне вечность зазвучала, как струна,
Семи небес суровое дыханье...

Душа кочевником поет в пустыне сна,
Моих горбов покорна колыханью.

II

Лежат века на зреющем песке.
Нет никого, нет ничего со мною.
Все голоса остались вдалеке.
Я предаюсь забвению и зною.

Журчит песок. Плыву, послушный плот,
По струям нерасслышанных журчаний.
Я слышу рост — и предвкушаю плод :
Тугое, полновесное молчанье.

А ты, душа, ты дремлешь на плоту
И видишь упоительные дали —
Ту голубую глубь и пустоту,
Что мы с тобой давно предугадали.

Журчит песок. И по волне тепла
Плыву, плыву — и расстаюсь с тоскою.
Я переплыл моря добра и зла,
Держа весло упорною рукою.

Но старый сон мне преграждает путь,
И вижу устрашенными глазами
Знакомую заманчивую грудь,
Былые схватки с нежными врагами...

Последняя, веселая, борьба,
И сброшен груз — тяжелых дней и мыслей.

Играй, греми, победная труба.
Ликуй о сладостном бессмыслии.

III

Пустынный свет, спокойный и простой,
Течет вокруг, топя и заливая.
Торжественной последней полнотой
Напряжена душа полуживая.

Плывут первоцветущие сады.
Предслышится мелодия глухая,
И вот не кровь, но безымянный дым
Бежит во мне, светясь, благоухая.

Земля покачивается в убогих снах,
В тишайшем облаке пустыни безвоздушной.
Неупиваемы тепло и тишина,
Смиренье дел природы простодушной.

КАК РАССКАЗАТЬ

Как рассказать, что той просторной ночью
Шел в пустоте — земной катился шар,
И слышалось, как рвется и клокочет
Земная раскаленная душа?

Кричала в ночь невидимая птица,
И шла земля, покорно, чуть звеня...
И мне почудилось: ей плыть меж звезд, кружиться,
Чтоб в свет и тьму нести-кружить меня.

Как рассказать, что той простою ночью
Меня томили воздух и покой?
Стоял, забыв — чего Хозяин хочет,
И был печален, и дышал тоской.

С М И Р Е Н И Е

...Протяжный звон песка
И горький зной земли обетованной...
Да будет вам стопа моя легка,
О, кости гулкие прошедших караванов.

Благослови, творящая рука.
Благослови единожды и дважды —

Я до конца дошел, не расплескав
Любви, смирения и жажды.

БРАТСТВО

Подумать только, сколько есть людей,
Которых в этой жизни мы не встретим.
По лености, по грубости своей,
Из-за имен, глаголов, междометий.

И сколько их, которых в этот час
Бог знает где — поблизости, быть может —
Такая-ж греет радость, что и нас,
И то же слово трудное тревожит.

Сообщники безвестные мои,
Быть может вы сейчас со мною рядом
На том же страстном гибнете пути
Без веры и надежды на награду !

И вот, когда-нибудь, в полях иных,
В непоказуемом премудром свете,
Мы незнакомцев городов земных
Нечаянно и благодарно встретим.

И лишь тогда, с великой высоты
На мир земной уже без страсти глядя,
Узнаем переулки и мосты
И городской знакомый чахлый садик...

И мы поймем в тот дружелюбный час,
Мы с поздним сожалением узнаем,
Что в ночи одинокие не раз
Одна вела нас улица ночная...

Когда опустошен и одинок —
Непоправимо, горестно — был каждый,
Незримый брат (то видел только Бог !)
Томился той же неизбывной жаждой.

И С П Ы Т А Н И Е

I

Я занимался бренными делами
И бился в дрожи суетных минут,
Когда меня овеяло крылами
И грозно протрубило: «Довид Кнут».

О, стыд ! Во тьме нога с ногой боролась,
Со мной играла милая моя,
Когда позвал меня суровый голос
И возвестил мне: — «сын Мой, это — Я».

— «Оставь сей мир! Мной суждено иначе.
Оставь заботы недостойных дел,
Благодари: иной тебе назначен
Возвышенный, благой, мужской удел.

— «Возьми в охапку хлам земного дома,
Все радости, все горести твои,
Все, чем жива, утешена, ведома,
Слепая жизнь, твои слепые дни.

— «Подъемли груз бесстрашными руками,
Возьми с собою нож, огонь, дрова,
И понеси на жертвенные камни,
Где — прах и соль, где выжжена трава...

— «Там все, чем тщетно тешишься ты ныне,
Все скудные дела твоей земли,
Ты обложи сушеною полынью,
И преданно и твердо заколи.

— «За тот удар, за дым, за горечь муки,
За нищий крик сгорающей трухи,
Узнаешь край, где нет любви и скуки,
Услышишь бесподобные стихи.

— «Ты обретешь ту праведную землю,
Где легок хлеб, где маслины в цвету.
Там в воздухе прохладном звуки дремлют,
Там спит пчела — и птица — на лету.

— «Где благодать пустыню оросила,
Босой стопой ты ступишь не спеша...
Такого счастья даже не просила —
Не смела ! — ненасытная душа.

— «Повеют ветры с тихих океанов
И вот — летят крепительные сны,
И вот — поют высокие органы
Блаженной, плодотворной тишины.

— «Так будешь жить в гармонии безбрежной,
Так будешь чтить обетованный лад.
И слушать звук, и ждать его прилежно,
И умножать великолепный клад».

...И я упал на дрогнувшую землю,
И зашаталась огненная синь ! —
И ужаснувшись, крикнул в тьму : приемлю.
Аминь.

II

Дрогнули кедровые поленья,
Треснули — и зажглись !
Металась в последнем плене,
Зверем билась жизнь.
Завертелся огонь над страдалицей,
Прыгал, взлетал, сползал,
Кусал мне лицо и пальцы,
Дымом колол глаза...
О, эта — в багровом молчании —
Неравная борьба !

И в богохульном отчаяньи,
С молитвою на губах,
Я на корчи, на вопли, на муку,
На эту мольбу и дрожь
Занес тяжелый нож.

Дрогнула твердь,
Обрушиваясь в гром и тьму.
Вихрь рванул мою руку !
В огненном треске, в дыму,
В запахе горелой кожи,
На миг
Зажегся лик
Божий.

Железная смерть
Со свистом упала в кусты.
Господи,
Ты !

III

...Мне голос был : — «Остановись и внемли.
Освободи мятущуюся плоть,
И поспеши покинуть эту землю,
Где Я велел — связать и заколоть.

— «Вот жизнь твоя ! Мне этого не надо.
Тебя-ли, сын, в земных полях взыщу?
Нет ! Я велел — и ты не знал пощады...
За эту горечь жертвенного чада
Я все тебе прощаю и прощу.

— «Я говорю: за взгляд, простой и легкий,
За эти три безжалостных узла,
За этот нож, огонь, дрова, веревки,
За жизнь, что под ножом изнемогла,

— «Я, испытав тебя огнем закланья,
Тебе велю : живи, Мой сын, живи.
Не бойся снов и яростных желаний,
Не бойся скуки, горя и любви.

— «Будь на земле, живя и умирая,
Земные ведай розы и волчцы,
К тебе из музыкальных высей рая
Слетаться будут частые гонцы.

— «И слушая неслышанные песни,
Что ветерок донес издалека,
Ты вдруг поймешь, что нет игры чудесней,
Чем этих волн улавливать раскат.

— «Так знай : ничто поэту не помеха,
Но все ведет к желанным берегам.
Вот Мой завет : не бегать слез и смеха,
Смотреть в глаза любимым и врагам...

— «Стоять пред гулкой солью океана,
Звучать в ответ на радость, на прибой,
В веселии, семижды окаянном,
В бесплотный пляс вступать — с самим собой.

— «На женскую спасительную прелесть
Идти, как в море парус — на маяк,
Чтоб милые в ладонях груди грелись,
Чтоб женщину ласкать и звать : моя.

— «Земли порой оставив побережья,
Отчалить в сны бесцельной красоты...
...Свой малый путь пройти стопой медвежьей,
С медвежьим сердцем, ясным и простым.

— «...Не бегать благ и дел юдоли узкой,
Но все приняв, за все благодарить.
Торжествовать, когда играет мускул.
Плодотворить».

ИЗ КНИГИ

ПАРИЖСКИЕ НОЧИ

СЕМЕНА

На плодородный пласт, на лист писчебумажный
Чернильные бросаю семена.
Их греет лампы свет, застенчивый и важный,
А удобряют — ночь и тишина.

И вижу в полумгле, стихом отягощенной,
Пугливый черный музыкальный рост...
Цвети, словесный сад, ночным трудом взращенный,
Открытый всем, кто одинок и прост.

Здесь, в полумгле ночной, убогой и суровой,
И темное — видней, и тайное — слышней...
О, полуночный плод, о, зреющее слово
Косноязычной горести моей.

В С Т Р Е Ч А

Ты вновь со мной — и не было разлуки,
О, милый призрак радости моей.
И вновь со мной — твои глаза и руки.
(Они умнее стали и грустней).

Они умнее стали — годы, годы...
Они грустнее, с каждым днем грустней :
О, сладкий воздух горестной свободы,
О, мир, где с каждым часом холодней.

Я рад, так рад нежданной нашей встрече,
Худую руку вновь поцеловать...
Но, друг нечаянный, я беден стал — мне нечем
Тебя порадовать. И не о чем сказать.

Что дома ждет меня теперь усталость
(А лестница длиннее каждый день)
И что теперь любовь моя и жалость
Похожи на презрение и лень?

О чем сказать тебе?... Осенний город стынет.
О чем просить тебя?... Торопится трамвай.
Мир холодеющий синее и пустынней...
О чем просить тебя? Прости, не забывай.

О чем спросить? Нет — ни на что — ответа.
Мой друг, что дать тебе — в убожестве моем...
Мой друг единственный, о, как печально это:
Нам даже не о чем и помолчать вдвоем.

Н О Ч Ь

Словно в щели большого холста,
Пробивается в небе дырявом
Ослепительная высота,
Леденящая музыка славы.

Это — ночь, первобытная ночь,
Та, что сеет любовь и разлуку,
Это — час, когда нечем помочь
Протянувшему слабую руку.

Останавливаются часы
Над застигнутыми тишиною,
Ложны меры и ложны весы
В час, когда наступает ночное.

Это — ночь : город каменных масс,
Глыб железо-бетонно-кирпичных,
Стал прозрачней, нежней в этот час
От сомнительной правды скрипичной.

Останавливаются сердца
Безупречные, как логарифмы...
В этот час поднимают купца
Над счетами полночные рифмы.

Все, что строилось каторжным днем,
Ночью рушится — в мусор и клочья.
Гибнет, гибнет дневной Йерихон
От космической музыки ночи.

Ночью гуще тоска и вино
(Сердце бьется сильнее во мраке),
Ночью белое часто — черно,
Смерть нам делает тайные знаки.

Ночью даже счастливого жаль.
Люди ночью слабее и ближе...
Расцветает большая печаль
На ночном черноземе Парижа.

ДОЖДЬ

И вновь блуждают в окнах огоньки,
        Грохочут ставни,
И у каминов греют старики
        Печаль о давнем.

Вот музыкой хрустальной, но земной,
        В тиши прогорклой,
Струится дождь, хлеща фонарный строй
        По желтым стеклам.

И фонари бегут, несутся прочь
        От мглы упорной.
Обрушилась арктическая ночь
        Лавиной черной.

Обрушилась, стремит неслышный бег,
        В дома стучится,
И падает под нею человек,
        И зверь, и птица.

Но есть сердца, лавине есть одна
        Средь нас преграда —
Под силу им и ночь, и тишина,
        Им сна не надо.

Есть человек ночной — он устоит
        Пред болью многой.
Есть человек — он сердце веселит
        Хулой на Бога.

Мятежников и чудаков оплот,
        На черном грунте
Питает ночь прекрасный горький плод :
        Мечту о бунте.

В ПУСТЫНЕ ЧЕРНОЙ

В промерзлой тишине,
в старинной мгле, всклокоченной и рваной,
Открылся снова мне
бесцельный путь в полночные туманы.

О, спящий человек,
отдавший псу ночное первородство,
Здесь — ночь, фонарь и снег,
мощеные луга для мечтоводства.

Роняют в мглу часы
певучие торжественные зерна.
Поэты — словно псы —
одни внимают им в пустыне черной.

БЕЗ ИСХОДА

Как соленая песня рыбацкая,
Как бессонная лампа поэта,
Как зеленая сырость кабацкая —
Эта ночь без рассвета.

Как в горячей тени под терновником
Поджидающий Авеля — Каин,
Как улыбка слепого любовника —
Эта ночь городская.

Как безногого бодрость румяная,
Как неветхое слово Завета,
Как письмо о любви безымянное —
Эта ночь без ответа.

Как сирена, тоской пораженная,
Уходящего в даль парохода,
Эта ночь. — как гудок напряженная —
Эта ночь без исхода.

О ЧЕМ СКАЗАТЬ

О чем сказать : о сини безвоздушной,
О скуке звезд, дрожащих надо мной,
О песне-ли, мятежной, но тщедушной,
О песне, усмиренной тишиной,

О Розанове-ль, на столе лежащем
Вопросом, на который смерть — ответ,
Иль обо мне, бессонном подлежащем,
К которому сказуемого нет?

Друзья мои, полночные предтечи,
Как трудно ночью спать, а не бродить,
Когда нам нечем, десятижды нечем
Ночную душу умиротворить...

Луна висит над мертвою деревней
Приманкою, что бросил в мир Рыбак...
О, жадность, слепота добычи древней,
О, лай — о чем-то знающих — собак.

ОКНО

Окно на полуночном полустанке
И тень в прямоугольнике окна,
Улыбка недоступной англичанки,
В полупустом кафе глоток вина,

Танцующая в шатком балагане
Хозяйская измученная дочь,
Смычок — скользящий по старинной ране,
Иль просто — одиночество и ночь...

Свеча в ночи... на даче, за оградой...
Свист, песня, смех — в деревне, за рекой...
Немногого — о, малого мне надо,
Чтобы смутить несытый мой покой.

З Н А К И

В сердце — грубых обид неостывшая накипь :
За обман унизительных лет,
За какие-то тайные ложные знаки
Предвещавшие радость и свет.

Снова ожила — Божьею неосторожностью —
Тяжко двинулась, где-то на дне,
Тоска по той невозможности,
Что была обещана мне.

З И М А

I

Земля лежит в снегу. Над ней воздели сучья
Деревья нищие. Прозрачный реет дым.
Все проще и нежней, безжалостно — и лучше
Под зимним небом, серо-голубым.

О чем-же — этот снег, и след, ведущий мимо
Меня и жизни стынущей моей?...
О главном, о простом — и о непостижимом:
О том, что все пройдет и все невозвратимо,
Как дым меж коченеющих ветвей.

II

Снег радости и снег печали,
Снег мудрости и чистоты.
(Мы шли в прохладной радости печали)
О многом знали мы, о многом мы молчали,
Когда из музыкальной пустоты
На наши души грустно падал ты...

III

Замерзая, качался фонарь у подъезда.
Полицейский курился мохнатой свечой...
А небо сияло над крышей железной,
Над снегом, над черной кривой каланчой.

Скучала в снегу беспризорная лошадь.
В степи, надрываясь, свистел паровоз.
О Боге, о смерти хрустели калоши.
Арктической музыкой реял мороз.

IV

В морозном сне, голубовато-снежном,
В старинном танце, медленном и нежном,
Снежинками нездешними пыля,
Мертво кружились небо и земля.

И коченея, в пустоте небес,
Кого-то звал тысячерукий лес.

Но сверху падал равнодушный снег,
А по-снегу, не поднимая век,
Под белый хруст шел черный человек.

И жуток был его неспешный шаг:
Как будто шел он в гиблый белый мрак,
Откуда нет возвратного пути,
И — никому нельзя туда идти.

В Е Ч Е Р

Бездомный парижский ветер качает звезду за окном.
Испуганно воет труба и стучится в заслонку камина.
Дружелюбная лампа дрожит на упрямом дубовом столе
Всем бронзовым телом своим, что греет мне душу и руку.

Сжимаются вещи от страха. И мнятся оргеевским сном
Латинский квартал за окном, абажур с небывалым жасмином,
Куба комнатного простота нестоличная — и в полумгле
Заснувшая женщина, стул, будильник, считающий скуку.

Х О Л О Д Н О

Уже ничего не умею сказать,
Немногого — жду и хочу.
И не о чем мне говорить и молчать —
И так ни о чем и молчу.

...Над пустеющей площадью — неуверенный снег.
Над заброшенным миром — смертоносный покой.
Леденеет фонарь... Семенит человек.
Холодно, друг дорогой.

Г О Р О Д

Меж каменных домов, меж каменных дорог,
Средь очерствелых лиц и глаз опустошенных,
Среди нещедрых рук и торопливых ног,
Среди людей душевно-прокаженных...

В лесу столбов и труб, киосков городских,
Меж лавкой и кафе, танцулькой и аптекой,
Восходят сотни солнц, но холодно от них,
Проходят люди, но не встретишь человека.

Им не туда идти — они-ж почти бегут...
Спеша, целуются... Спеша, глотают слезы.
О, спешная любовь, о, торопливый труд
Под безнадежный свист косматых паровозов.

Кружатся в воздухе осенние листы.
Кричат газетчики. Звеня, скользят трамваи.
Ревут автобусы, взлетая на мосты.
Плывут часы, сердца опустошая.

И в траурном авто торопится мертвец,
Спешит — в последний раз... (к дыре сырой и душной)

...Меж каменных домов, средь каменных сердец,
По каменной земле, под небом равнодушным.

О Т О Й Д И

Отойди от меня, человек, отойди — я зеваю.
Этой страшной ценой я за жалкую мудрость плачу.
Видишь руку мою, что лежит на столе, как живая —
Разжимаю кулак и уже ничего не хочу.

Отойди от меня, человек. Не пытайся помочь.
Надо мною густеет бесплодная тяжкая ночь.

КИШИНЕВСКИЕ ПОХОРОНЫ

Я помню тусклый кишиневский вечер:
Мы огибали Инзовскую горку,
Где жил когда-то Пушкин. Жалкий холм,
Где жил курчавый низенький чиновник —
Прославленный кутила и повеса —
С горячими арапскими глазами
На некрасивом и живом лице.

За пыльной, хмурой, мертвой Азиатской,
Вдоль жестких стен Родильного Приюта,
Несли на палках мертвого еврея.
Под траурным несвежим покрывалом
Костлявые виднелись очертанья
Обглоданного жизнью человека.
Обглоданного, видимо, настолько,
Что после нечем было поживиться
Худым червям еврейского кладбища.

За стариками, несшими носилки,
Шли кучкою глазастые евреи.
От их заплесневелых лапсердаков
Шел сложный запах святости и рока,
Еврейский запах — нищеты и пота,
Селедки, моли, жареного лука,
Священных книг, пеленок, синагоги.
Большая скорбь им веселила сердце,
И шли они неслышною походкой,
Покорной, легкой, мерной и неспешной,
Как будто шли они за трупом годы,
Как будто нет их шествию начала,
Как будто нет ему конца... Походкой
Сионских — кишиневских — мудрецов.

Пред ними — за печальным черным грузом
Шла женщина, и в пыльном полумраке
Невидно было нам ее лицо.

Но как прекрасен был высокий голос !

Под стук шагов, под слабое шуршанье
Опавших листьев, мусора, под кашель
Лилась еще неслыханная песнь.
В ней были слезы сладкого смиренья,
И преданность предвечной воле Божьей,
В ней был восторг покорности и страха...

О, как прекрасен был высокий голос!

Не о худом еврее, на носилках
Подпрыгивавшем, пел он — обо мне,
О нас, о всех, о суете, о прахе,
О старости, о горести, о страхе,
О жалости, тщете, недоуменьи,
О глазках умирающих детей...

Еврейка шла почти не спотыкаясь,
И каждый раз, когда жестокий камень
Подбрасывал на палках труп, она
Бросалась с криком на него — и голос
Вдруг ширился, крепчал, звучал металлом,
Торжественно гудел угрозой Богу,
И веселел от яростных проклятий.
И женщина грозила кулаками
Тому, Кто плыл в зеленоватом небе,
Над пыльными деревьями, над трупом,
Над крышею Родильного Приюта,
Над жесткою, корявою землей.
Но вот пугалась женщина себя
И била в грудь себя, и леденела

И каялась надрывно и протяжно,
Испуганно хвалила Божью волю,
Кричала исступленно о прощеньи,
О вере, о смирении, о вере,
Шарахалась и ежилась к земле
Под тяжестью невыносимых глаз,
Глядевших с неба скорбно и сурово.

Что было? Вечер, тишь, забор, звезда,
Большая пыль... Мои стихи в «Курьере»,
Доверчивая гимназистка Оля,
Простой обряд еврейских похорон
И женщина из Книги Бытия.

Но никогда не передам словами
Того, что реяло над Азиатской,
Над фонарями городских окраин,
Над смехом, затаенным в подворотнях,
Над удалью неведомой гитары,
Бог знает где рокочущей, над лаем
Тоскующих рышкановских собак.

...Особенный, еврейско - русский воздух...
Блажен, кто им когда - либо дышал.

С Л О В А

Уже давно я не писал стихов.
Старею я — и легкости веселой,
С которой я писал стихи когда-то,
Уж нет в помине. Камня тяжелее
Мне ныне слово каждое мое.

Уже давно — с трудом и неохотой
Беру я самопишущую ручку,
Чтобы писать не письма деловые,
Не счет белья, сдаваемого прачке,
Не адрес телефонный, а — стихи.

Уже давно я не писал стихов,
Но, только-что расставшись с человеком,
Которого, еще совсем недавно,
Я так любил, как любят только дети,
Животные, поэты и калеки;
Но, только что расставшись с человеком,
Вполне приятным, но совсем ненужным,
Я вдруг присел к столу, достал бумагу,
И пробую — не знаю сам, зачем —
И для кого, о чем — почти не зная,
В отчаяньи, холодном и спокойном,
Я пробую еще писать стихи.

Сейчас, на крышах спящего Парижа
Лежит ночное войлочное небо.
В метро еще дуреют парижане,
Под фонарями, в нишах, у подъездов,
По трафарету созданные люди
Однообразно шепчутся и жмутся.
За окнами, неплотно — по парижски —
Прикрытыми, шевелятся в дремоте
Какой-то первозданной мутной кучей
Любовь, печаль, покорность, страх и горе,
Надежда, сладострастие и скука...
За окнами парижских сонных улиц
Спят люди-братья, набираясь сил
На новый день недели, года, жизни,
На новый день...
А мне сейчас непоправимо-ясно,
Что наша жизнь — бессмыслица и ложь.

Я эти торопливые слова
Бросаю в мир — бутылкою — в стихии
Бездонного людского равнодушья,
Бросаю, как бутылку в океан,

Безмолвный крик, закупоренный крепко,
О гибели моей, моей и вашей.

Но донесет ли, и — когда, кому,
В какие, человеческие-ль, руки,
Волна судьбы непрочную бумажку
С невнятными и стертыми словами
(И на чужом, быть может, языке!)
О том, что мы завлечены обманом
В бесплодные, безводные пустыни,
И брошены на произвол судьбы.
И нечем нам смирить наш страх и голод,
И нашу жажду нечем утолить.

Я эти безнадежные слова
Бросаю в необъятные пучины,
Со смутною надеждой на спасенье,
Не зная сам, что значит слово — помощь,
Не понимая — как, когда, откуда
Она ко мне придти еще могла б.

А завтра мой двойник и заместитель
Займется снова разными делами,
Напишет за меня две-три открытки,
Раскланяется вежливо с знакомым,
И спросит: «Как живете, как — здоровье,
Что — мальчик ваш?» И скажет: «Приходите...»
И, в общем, соблюдет меня повсюду —
Спокойный, твердый, мужественный друг.

Лишь изредка, но, правда, очень редко,
В его глазах — почти без выраженья —
Мелькнет, как тень, неуловимый отблеск

Тишайшей, но тяжелой катастрофы,
Прошедшей незаметно для газет.

...Как будто тень трагического флага,
Что бился бы большой бессильной птицей
В тот гулкий, вдохновенный, страшный час —
Час одинокого жизнекрушенья.

ИЗ КНИГИ

НАСУЩНАЯ ЛЮБОВЬ

Г О Л О Д

Нас утром будит непомерный голод
И жадность древняя в еще густой крови...
О, как нам радостно : отдать — рукой веселой —
Все сны за крохи хлеба и любви.

Но не насытиться ! Под равнодушным небом
Мы каждый день изнемогаем вновь,
Отдавши все за корку, корку хлеба
И черствую насущную любовь.

П О Л Н О Ч Ь

Бьет полночь близко на часах лицея.
За стройною решеткой дышит сад.
Прекрасен фонарей волшебный ряд.
Под мирным небом сердце цепенеет.

Вот этот звук — в симфонии миров
Безжалостной — вовек не повторится:
Здесь шел поэт по улицам столицы
(Затерянный, как пес среди снегов...)

Он шел, не в силах с Богом примириться,
И одинокий стук его шагов
О бремени свидетельствовал — слов,
Которым никогда не воплотиться.

НИЩЕТА́

Мы постепенно стали отличать
Поддельные слова от настоящих.
Мы разучились плакать и кричать,
Мы полюбили гибнущих и падших.
И стало все пронзительней, трудней,
И стало все суровее и проще,
Слова — бедней, молчание — нежней...

...Я вышел на пустеющую площадь —
Все тот же мир: цветет фонарный ряд,
Ночь настигает город и предместье,
Над миром звезды мертвые горят
Прекрасной страшной беспощадной вестью.

О, чуток слух и зряч надменный взгляд
Тех, что заброшены и одиноки...
Но есть еще — мучительный закат,
Любимые безжалостные строки.
Еще нередко человечий взор
И молчаливое рукопожатье
Нам облегчают тяжесть и позор
Библейского жестокого проклятья.

В дневном поту и в холоде ночей
Все горше терпкий вкус любви и хлеба.
И вот — в последней нищете своей —
Мы избегаем вглядываться в небо :
В пустыне мира глухи небеса
К слабеющим мятежным голосам,
Что гибнут в синей музыке вселенной...

О, бедность наша, будь благословенна.

П О Р Т

Корабль уходит в океан,
Дымя трубою новой.
Кричит на рубке капитан,
Бранчливый и суровый.

И ударяет в сердце хмель
Бесцельных путешествий.
Но нет смешнее слова : цель —
В веселом ветре бедствий.

Уходят в море корабли,
Уходит все на свете.
Проходят женщины земли,
Ты больше их не встретишь.

Меж тем, быть может, среди них,
Кто знает — кто узнает? —
Прошла... (Но тут болтливый стих
Стыдливо умолкает).

Увозят в поле поезда
Груз радости и боли.
Они уходят навсегда,
Их не увидишь боле.

И смотрят люди, за окном,
На живопись ненастья,
Где грустно тает скромный дом
Неузнанного счастья.

Прошли напрасные огни...
А поезд окаянный
Везет туда, где ждут одни
Туманы и обманы.

И паровоз свистит, грозит
Осенним сонным нивам.
Ему наперерез летит
Автомобиль счастливый.

И ускоряет ход — и вот
Перевернулся споро,
И не закончен долгий счет
Любви и сложной ссоры...

ПРОТИВОРЕЧЬЯ

Остались — собиравшиеся ехать,
Вернулись — кто уехал навсегда.
В высоком доме девичьего смеха
Захлопотала юркая беда.

Живет века — Джоконда неживая.
Расстались те, что в верности клялись.
А те, что утром встретились в трамвае,
Уже обречены любви на-жизнь.

Цены не знает радости богатый,
А тот, кто знает — беден, слаб и нищ.
Отрады мира скорбию чреваты,
А мудрость любит горесть пепелищ...

И ничего ни в чем не понимая,
Случается, в час гибельный, ночной,
Порой я смысл какой-то постигаю,
Тень правды вдруг мелькнет передо мной.

Но рассказать другому не умею,
Но передать словами не могу,
И потому смущен — и цепенею,
Безмолвствую, кощунствую и лгу.

М О Л Ч И

I

О грусти вечной,
О первой встречной,
О страсти во взорах,
О счастьи в глазах,
На дне которых
Брезгливость и страх.
О душах приземистых, сытых, густых,
О будничных скучных небритых святых.
О тысячах жизней, смертей, бурных бедствий,
Что канули в серость без всяких последствий...

О песне нечаянной,
Спящих кольнувшей,
О счастьи трамвайном,
Пропавшем, мелькнувшем.
(Трамвай — на окраину,
Летом минувшим.
Был вечер, и ветер —
Совсем, как у Блока...
Духи, Гала-Петер,
Звоночек жестокий...)

О многом пустяшном,
Веселом и страшном,
О многом
И всяком,
Убогом
И разном,
Обычном,
Однако,
Вполне безобразном,
Приличном,
Но, все-же, совсем невозможном —

О жизни острожной,
О смерти безбожной...

11

О тех, кого не встретил,
Кого я не заметил,
Кто — как попутчик в поезде — навек пропал в ночи.

О тех, кого не встретил,
Кому я не ответил,
О нужных мне, обещанных, молчи, перо, молчи.

...О тех, кого не встречу,
Кого я не замечу,
Кому я не отвечу.

ДОЖДЬ

Как хлещет дождь... А в комнатке уютной —
Поэт. Пред ним бумага на столе.
От этой простоты, почти каютной,
Он чувствует себя на корабле
Каком-то... Он забыл его названье,
Забыл, куда он едет — и зачем.
В бессмысленном, прекрасном, упованьи
Он пишет всем — которым — этим — тем...

Пройдут года... И вот письмо поэта
Придет и в нужный дом, и в нужный час —
Он не услышит позднего ответа,
Он не увидит благодарных глаз.
Но радостью, восторженно-печальной,
Уже томит взволнованную кровь
Ночной приток любви первоначальной :
Ответ на их грядущую любовь.

Д И А Л О Г И

I

— Порою меньше малой малости
(Дешевле всех врачей и всех аптек)
Две капли нежности, щепотку жалости —
И вот расцвел засохший человек.

Расцвел — засохший, полумертвый — ожил,
И в мир вошло веселое добро.

— Вы правы, друг. Любовь всего дороже,
Но у меня нет денег на метро.

II

— Мы узнаем друг друга по глазам,
По ничего-не-значащим словам
(В глазах — безумье горестное зрячих,
В словах — стыдливость праведников падших)
И в мире злых загадок и обид,
Нас многое, печальное, роднит:
Беспечность, что похожа на отчаянье,
Спокойный гнев (как честь, его беречь!),
Слова, что молчаливее молчания,
Молчание, похожее на речь.

— Да, это так. Я сам того же мненья,
Но я спешу на службу, к сожаленью.

III

— О, если-б знали мы...

— Я прерываю вас,
Скажите, дорогой, который час?

— Так забываем мы...

— Простите, как на зло,
Я помню день, но позабыл число.

...Так — каждый: для себя, так — каждый: о себе,
В порочной человеческой судьбе.

IV

Вы говорите мне : любовь и дружба,
Поэзия, искусство, братский долг,
Но я отвечу : календарь и служба,
И брат — баран, и брат — осел и волк.

Любовь чревата скукой иль изменой,
А долг — напоминает про долги.
И дружбе, друг, мы предпочтем смиренно
(Метафорические...) сапоги.

Два голоса :
— Живи, твори упорно.
— Зачем, глупец? Остановись, смирись.

Но всех унизит смерть — концом позорным —
Как никогда не унижала жизнь.

Р О М А Н С

Друг мой прекрасный, надежды слабеют.
Друг мой несчастный, признаться пора :
Нас вовлекли в шутовскую затею.
Друг мой, нечисто ведется игра.

Друг, и до нас были знатные умники,
После — такие же будут глупцы,
Гробокопатели, воры, цырюльники,
Гордые дети, смешные отцы.

Те же восторги, такие же жалобы
Людям мешали работать и спать.
Те же... такое же... так же... и, стало быть,
Надо крепиться, побольше молчать.

Стыдная жизнь, для романса пригодная,
Та, о которой цыганка поет:
Годы бесплодные, боль безысходная,
Испепеленное счастье твое...

К А Ф Е

Два спящих старика играют в карты,
Подпрыгивая, радуясь, бранясь.
Сосед, с математическим азартом,
Девицу теребит, не торопясь.

В аквариуме заводные рыбки
Варьируют безвыходный чертеж.
А за окном тасует город зыбкий
Помятую колоду рыл и рож.

Мы дружно спим осоловелым сонмом,
Забыв себя в застегнутых пальто.
Бесплотные, безликие гарсоны
Несут нам — лунатически — порто.

Мы спим, блюдя приличья, долг и верность,
Во сне — воюем, строим города...
О, не проснуться-б... в холод и в безмерность,
В отчаяние трезвости, стыда.

НАБЕРЕЖНАЯ

Над Сеною, над набережной людной,
В бесцветном небе грелись облака.
Протяжной скукой, хриплой, обоюдной,
Перекликались два речных гудка.
(Так прозвучит однажды голос Судный,
Надмирный, нудный зов издалека).

Никто не знал, зачем он ест и дышит,
Зачем тревожит плоть свою и кровь,
Работает, болеет, письма пишет
Про разные дела и про любовь...

Но жили так, как будто все в порядке
(Уютнейшая, в общем, кутерьма !),
Теряли близких, душу и перчатки,
Ходили в гости, строили дома.

И заводили чад и домочадцев,
Грузя, возя, ругаясь — как во сне,
И не боялись ночью оставаться
С самим собой — в тиши — наедине.

И в сонной безмятежности, поверьте,
Никто не помнил, что мы все умрем,
Что все мы будем крепколапой смертью
Захвачены нежданно — и живьем.

Никто не знал, не помнил — и не думал,
В круговороте дел, забав и бед...
Из тьмы пустот — бессонно и угрюмо —
Глядел на мир Великий Людоед.

П У С Т О Т А

Вот в такие минуты совершаются темные вещи,
И простор поднебесный вдруг тесней подземелья крота.
Все слова безнадежней, все обиды старинные резче,
И вокруг человека величаво растет пустота.

Закричать? Но кричат лишь в театриках бедных кварталов.
Убежать? Но — куда? Да и как от себя убежишь?
День не хуже других — бывших, будущих и небывалых...
И вокруг — неизменный, равнодушно-веселый Париж.

ГОРОДСКОЕ СЧАСТЬЕ

Как триста лет назад... Пустынных переулков
Средневековый воздух и покой,
Кривые фонари и стук шагов негулких,
Печаль и сон пустыни городской.

Глухие здания на старом звездном фоне...
— Зайдем в кафе. (Не холодно-ль тебе?)
Там хриплый рваный голос в грамофоне
Споет нам — не о нашей ли судьбе?

Я знал тебя давно : предвидел и предслышал.
Я знал, что ты придешь и улыбнешься мне
Своей улыбкою (милее нет, ни — тише...),
С таким доверием, как будто мы во сне.

Знакомы мне твой грустный лоб, и плечи,
И нежное дыхание твое.
Я знал тебя до нашей странной встречи,
И полюбил тебя давно.

Кругом все то же... Ночь, глухие зданья.
На башне бьет как бы последний час.
Но глаз твоих стыдливое сиянье,
Но грусть — без дна — непримиримых глаз
(О, гордое, мятежное бессилье...),
Но грусть и страсть неукротимых глаз
Все изменили, все преобразили,
Все переплавили, освободили нас
От мировой, от беспощадной власти —
Для счастья краткой встречи городской,
Для черного безвыходного счастья,
Чреватого горячею тоской.

НИЧЕГО НЕ ПОЙМЁШЬ

Ничего не поймешь, ни о чем не расскажешь,
Все пройдет, пропадет без следа.
Но вернешься домой, но вернешься — и ляжешь,
И поймешь : не забыть никогда.

Я не помню, о чем мы с тобой говорили,
Да и слов не ищу — не найду.
Ни о чем не расскажешь... Пахло липой и пылью
В бесприютном вокзальном саду.

Но как будто мне было предсказано это,
Будто были обещаны мне
Кем-то (кем — я не помню...) когда-то и где-то —
Этот вечер, и встреча, пятна зыбкого света,
Беспредельная ночь в вышине...

Будто было когда-то обещано это :
Ненасытные руки твои,
Ветер, запах волос, запах позднего лета,
Скорбный голос, любовною скорбью согретый,
Темный воздух последней любви.

О ЛЮБВИ, О СУДЬБЕ

Пыльный запах листвы, черный ствол над скамейкой зеленой.
Крепким каменным сном спят уставшие за день дома.
Нарастающей массой печали — и грустью огромной —
Надвигается ночь, разливается серая тьма.

В мире ходит беда, бродит ветер и зреют ненастья.
Скорбь витает над миром и дышит на нас горячо.
А в дрожащих руках бьется-бьется непрочное счастье,
А в усталых руках — непосильное счастье мое.

Как вчера, мы сегодня с тобою расстанемся скоро
И, слабея в борьбе с многоликой и темной судьбой,
После дней и ночей — лжи, смиренья, труда и позора,
Мы в назначенный вечер увидимся снова с тобой.

А потом будет день (и, поверь, он придет, он настанет),
День — такой, как другие (никто наших слез не поймет...),
Когда я не приду, или ты не придешь на свиданье,
Когда кто-то уже никогда ни к кому не придет.

И от наших речей, и от радости нашей жестокой,
И от наших ночей — уцелеют, быть может, стихи.
Только горсточка слов, старомодные стыдные строки
О любви, о судьбе, о любви, о тебе, о любви.

СЧАСТЬЕ

Незаметно наступили годы,
Когда радость глуше и трудней.
Отшумели дни моей свободы,
Беззаконной юности моей.

Помню небо в сумасшедших звездах,
Помню ночи в первобытных снах,
Помню смуглый сладкий южный воздух,
У калитки — липу на часах.

Мир ночной, что счастье мне пророчил,
Древней мукой сердце теребя.
Помню все, что бессарабской ночью
Предвещало Бога и тебя.

Ты пришла — и счастье чуть беднее,
Ты со мною, но не слышен Бог.
Ты моя — что может быть грустнее !...
Ты моя — и жребий мой жесток.

Эта грусть всем любящим знакома.
Эта боль — во всех живых сердцах.
Ты моя — и не покинет дома
Счастие, похожее на страх.

Счастие, что человека гложет,
Счастие, что человека жжет.
Счастие, что миру не поможет,
Но и нас от мира не спасет.

П И С Ь М О

Ты меня никогда не забудешь
И не властны над встречей из встреч
Ни соблазны, ни время, ни люди,
Ни томленье надгробное свеч.

В этом мире, где камни непрочны,
Где святые и ангелы лгут,
Я тебе обещаю бессрочный,
Нерушимый и нежный приют

В твоем сердце — любви незабвенной,
В твоем теле — последней любви,
Кровожадной, бесстыдной, смиренной
И упрямой, как губы твои.

Ты забудешь — над чем горевала,
С кем встречала в России весну,
Копоть, смрад и лотки у вокзала
(Где мой полк уходил на войну)...

Ты забудешь родных и знакомых,
И любимые колокола,
Даже номер счастливого дома...
Ты забудешь, зачем ты жила,

Все отдашь. Только память о чуде
Наших встреч — навсегда сбережешь.
Будешь помнить, как скудные будни
Озарила любовная ложь.

Будешь помнить дремучие сферы,
Где восторженно слушала ты,
Как кружились над счастьем без меры
Ветры гибели и пустоты.

П Р О Г У Л К А

Несложная мучительная повесть
О деревенской ночи в сентябре :
Ты рядом шла, моя живая совесть,
Ты прижималась горестно ко мне.

Светлела ночь, высокая, пустая...
Ты шла со мной, и за тобою вслед
Кружились — тайной и пугливой стаей —
Безумье, грусть, какой-то дивный свет,

Как будто слабый отблеск скорбных крыльев...
Ты — рядом, ты, о, друг любимый мой...
Мы молча шли. О, страшное бессилье
Затерянных в пустыне мировой...

Два человека — в роковом круженьи
Ночных всепожирающих стихий...
И каждый вздох и каждое движенье —
Любовь — любви — любовью — о любви.

О, как любили мы, о, как жалели
Всех обреченных гибели и тьме,
И тех, что плакали, и тех, что пели,
Тех, кто беспомощен, и тех, кто горд и смел.

Убийц, сирот, и пасынков, и мачех,
Всех радостных — в невинности своей,
Всех одиноких, всех слепых и зрячих,
И даже птиц, и камни, и зверей.

...Вверху все те-же трепетали звезды
Над всем, что в мире надо пожалеть.
Мы шли в ночи, торжественной и грозной,
Хотелось жить, хотелось умереть.

С Т Р А Н А

Заходит солнце над той страной,
Где мы с тобой так свято жили.
Еще ты рядом, друг родной,
Но ты ли это, подруга, ты ли?

Уж я не верю — не узнаю
Знакомой нежности, пугливой —
Незаменимую мою —
И ласк тревожных, и ласк тоскливых...

Сереет небо, пустеет мир
(Печаль веков над миром реет...),
И ночь пустынна, и день мой сир,
Беднеет сердце мое, беднеет.

Заходит солнце... Как ты бледна.
Поплачь о счастьи незабытом.
Прощай, погибшая страна
Души бездомной, любви несытой...

М А Р А

Раскололось наше счастье, размололось,
Томный ангел мой с лучистой головой.
И темнеет самый светлый в мире голос,
Скорбно-чувственный горячий голос твой.

Скорбен голос твой — в нем зреет безнадежность,
Он горяч — он мукой мира накален.
Плачь-не плачь, она предсмертна, эта нежность.
Прячь-не прячь, я сердцем слышу тайный стон.

Вот смотрю на обессиленные руки
(Драгоценнее не встретить мне нигде...)
Эти руки — два свидетельства о муке,
Об отчаяньи, обиде и стыде.

Обнимаю обескрыленные плечи,
Приникаю к страстной скорби губ и рук.
Друг любимый, драгоценный, безупречный,
Милый-милый, бедный — нежный — нужный друг,

Раскололось наше счастье, размололось,
Распылилось в желтой маре мировой...
И мутнеет самый чистый в мире голос,
Скорбно-чувственный и томный голос твой.

И З М Е Н А

По твоим виновато-веселым глазам,
По улыбке твоей воровато-невинной,
По твоим — постаревшим мгновенно — губам,
По испуганным пальцам, прелестным и длинным,

Задрожавшим чуть-чуть в моей твердой руке,
По сердечному, острому, краткому стуку,
По мгновенной, смертельно-блаженной тоске
(Когда я целовал замиравшую руку)

Я узнал обо всем. Я все понял, мой друг.
Я воочию видел — обманут и предан.
И ушел. И вступил в очистительный круг
Одиночества, грусти, свободы, победы.

Р А З Л У К А

Как в море корабли, как волны в океане
(Где в теме встречи — рокот расставанья),
Как поезда в ночи... (Скрестившись, как мечи —
Два долгих и слабеющих стенанья).

Как в море корабли... О, нет, совсем не так.
И проще, и страшней : в безбрежном мире буден
Мы разошлись с тобой, родной и нежный враг,
Как разлюбившие друг друга люди.

ОДИНОЧЕСТВО

Тише... Что ж, что оказалось ложью
Все, чем жил — все, от чего умрешь!
Ведь никто тебе помочь не сможет,
Ибо слово помощь тоже — ложь.

Все в порядке. Улица и небо...
Тот же звон трамваев и авто.
Грустно пахнет зеленью и хлебом.
Все, как было : все — не то, не то.

Ты забыл, что наша жизнь смертельна,
Ты кричишь в надежде беспредельной.
Не услышит — никогда — никто.

— Друг мой...
Нет ни друга, ни ответа.
О, когда бы мог не быть и я !

За домами, в пыльные просветы,
Сквозь деревья городского лета,
Проступает, чуть катимый ветром,
Белый океан небытия.

П О Е З Д К А

I

Это было третьего апреля
Девятьсот тридцать второго года
(Тысячу опустим для удобства).

В мире было холодно и сыро.
Шли дожди. Под непрестанным душем
Городскими черными грибами
Расцветали зонтики поспешно,
А в лесу : грибы-дождевики.

В мире было холодно и пусто.
Днем над ним текло слепое солнце
С древним равнодушием, а ночью
Безучастно леденели в небе
Городские неживые звезды.

Лишь звезда забытых переулков,
Полумертвая звезда окраин,
Да большие звезды гор и пляжей,
Да живые звезды деревень —
Всем своим дрожанием и блеском
Трепетали : о борьбе и смерти,
О любви, о тайне, о судьбе.
И протягивали к нам лучи,
Острые, как мудрость или жалость.

В мире было холодно и гулко.
Стервенели страны и народы.
(Ночью мнился мне тревожный звук —
Скрип зубов... иль треск последних тронов?)
Явственно шатались государства,
Страны загорались, над землею
Реяли пары небытия
В день, когда — используя свободу
(Это было третьего апреля) —
Я набрал разнообразных фруктов
У бесстыдной радостной торговки
С жадными и щедрыми глазами,
И, смешавшись с праздничной толпою
Серозубых жителей предместий
И демократичных парижан,
Сел в гремучий юркий дачный поезд,
Бойко побежавший в Сэн-Реми.

II

Был ранний час. В купэ, со мною рядом,
Сидела пара, обнимаясь крепко.
В окне мелькала живопись предместий :
Застенчивая зелень и заборы,
Приземистые низкие вокзалы,
Заброшенные люди и дома,
Ныряющие в пыль — и неизбежный
Рекламой обесчещенный домишка,
Несущий миру весть о Дюбоннэ.

Чуть-чуть покачиваясь в такт колесам,
Выстукивавшим что-то на мотивы
И Соломона, и Экклезиаста,
Я незаметно начал слушать шопот
Моих соседей.

О, скучные и вязкие слова,
О, нищие любовники, как жалок
Был их любви непраздничный язык.
О, бедные, когда-б они узнали,
Как говорили о любви — другие,
Предтечи их: Петрарка или Данте,
Овидий, Пушкин, Тютчев или Блок.

И стыдно стало мне за их любовь :
Весь день томиться где-нибудь в конторе,
Или склоняться над какой-то блузкой,
Иль как-нибудь иначе продавать
Свой день, свой труд, свой пот, свою судьбу,
И после — оплетенных скукой — дней
Дождаться воскресенья, дня свободы,
Когда ты миру друг, и ветру — брат,
И встретиться с желанною своею
И ничего от бедной не услышать
Умнее, музыкальнее, живей
Бездушных и заплесневелых слов,
О том, что день сегодня сыроватый,
Что скоро, вот, появится клубника,
И помолчав, и словно просыпаясь
От долгого и тесного объятья,
Вздохнув, дрожащим голосом сказать —
О шляпе, башмаках, водопроводе...

III

Я пересел напротив, чтоб вглядеться
В попутчиков... И вот, по их глазам,
По их губам, рукам — я вдруг увидел
С недоуменьем и почти с испугом:

Им был открыт какой-то тайный мир,
Что проступает сквозь слова и вещи,
Сквозь косные невзрачные предметы —
Им был открыт прекрасный тайный мир.

Вагон летел, и в стареньком купэ
Я видел пыль, нечистые скамейки,
И смятую газету (что противней
Прочитанной газеты!...) и соседей,
Еще не старых, но помятых жизнью.

Я слышал стук и скрип оконной рамы
Да дробь колес. Они-же, рядом сидя,
На то же глядя, видели иное,
Иное слышали, и знали об ином.
И я подобен был слепцу, со зрячим
Сидящему — пред ними те же краски,
И звезды те же, те же — свет и песня,
И девушка, несущая корзинку,
Но как несхожи меж собой виденья,
Что — позже — каждый унесет к себе.

Он говорил ей : ты бледна сегодня,
Мой милый зайчик, крошка дорогая...
И женщина пьянела, и безумье
Мутило ей глаза горячим счастьем.

Смиренный и божественный язык
Прикосновений, взглядов и молчаний.
От рук к рукам, от глаз к родным глазам,
От сердца к сердцу шли живые токи
Той радости, которой нет названья,
Той прелести, которой меры нет,
Той щедрости, которой нет предела.

Да, есть еще таинственнейший мир
Неясных музыкальных измерений,
Есть царская симфония любви,
В которой расплавляются слова,
Чернея, истлевая, умирая,
Как осенью — обугленный листок,
Как обескровленное скукой сердце,
Как сердце, недождавшееся счастья.

Кондуктор что-то крикнул. Поезд стал.
Я долго шел проселочной дорогой.
Стоял белесый сонный хмурый день,
Но в сером небе зрело счастье мира.

ИЗ ЦИКЛА

П Р А Р О Д И Н А

ХАЙФА

I

Среди бесплодных дел и тучного безделья,
В пустыне каменной, где звери не живут,
Опять — оазисом : спасительная келья,
Мужской геометрический уют.

И вновь безмерный лист нетронутой бумаги
Самозабвенно ждет живительных чернил,
Скупых последних слез, благословенной влаги,
Что человек про черный час хранил.

Работает страна — перо, лопата, заступ —
И пот души, как пот лица, солен.
Но там, где сеян хлеб — цветы Экклезиаста,
Твой мудрый сад, безумный Соломон.

II

О, бедный Кармил! Гробовые кубы
Блюдут гигиенический уют:
Радиофон — и золотые зубы,
Сквозь кои души медные блюют.

Огонь и сера европейской лавы,
Кинематограф, заводской гудок...
Но надо всем, но через все — отравой —
Пронзительный библейский холодок.

РОШ-ПИНА

Звезды светят
Из синего небытия
На дома, синагогу и площадь.
Возвращается ветер
На круги своя
И шуршит в эвкалиптовой роще.

Возвращается ветер
На круги своя,
Подбирает листок эвкалипта.
Здесь, по этим
Неисповедимым краям
Шли, стеная, рабы из Египта.

Возвращается ветер в стотысячный раз,
Бередит ханаанские склоны.
Как свидетели правды, о, Экклезиаст,
Непреклонные скалы Хермона.

Возвращается с моря, с высоких вершин
Влажной вечностью веющий ветер.
Кипарисы качаются чинно в тиши,
Как свидетели горя и смерти.

Возвращается жизнь : вот Ревекка с водой
На плече... Это было — и будет.
Возвращается смерть. Но, под той же звездой,
Не рабы умирают, а люди.

Ц Ф А Т

Бугры горбатых рыжеватых гор,
Верблюдами разлегшихся по склонам.
Бесплодья цвет, где редко жадный взор
Утешится пятном темнозеленым.

Угрюмых гор осенний караван,
Уставший от бесцельных путешествий,
От пестрого однообразья стран,
От скуки облаков, песков и бедствий.

Он слишком долго нес — и ночь, и день —
Убогий скарб людской : дома и гробы.
Тысячелетний груз и дребедень
Бессильной веры, непосильной злобы...

Теснящихся уступами домов
Таинственные голубеют кубы,
Стада камней, верблюдов и ослов,
Ослиный рев, томительный и грубый,

И вновь — всерастворяющий покой
Над вечностью библейскою, заклятой.
И сквозь стеклянный неподвижный зной
Мне слышен Бог, склонившийся над Цфатом.

М Е Т У Л Л А

Мерно рубит старик неподатливый пласт
На заброшенной каменоломне,
Вырубая слова твои, Экклезиаст,
Что душа престарелая помнит.

В мировой суете — всему время свое,
Время плакать, и время смеяться,
Время — все отдавать за погибель вдвоем,
Время — с самой любимой расстаться.

Время — словно забыв о парижской весне,
Легкомысленно-звонкой и щедрой,
Постоять под смоковницей, как в полусне,
Иль под скучною вечностью кедра.

Все истлеет. Порвется крепчайшая нить,
Ляжет пыль надо всем и над всеми,
Но не время еще погибать иль грустить,
А любить и надеяться время.

Слава Богу, еще не разбился кувшин,
И висит колесо над колодцем,
И не страшен кружащийся ветер вершин,
И дорожная песня поется.

Вот проходит красавица, кутаясь в шаль.
Нет, не все тут окажется ложью!
Умножающий знание множит печаль,
Но любовь укрепит и поможет.

З Н О Й

Бывает, что берег опаснее моря —
И гибнет на суше веселый матрос.
Бывает, что счастье наляжет, как горе,
И мокнет ночная подушка от слез.

Бывает... ах, многое в жизни бывает.
А счастье, как счастье, и плакаться грех.
Невластна над ним ерунда мировая,
Хотя и немало в нем дыр и прорех.

А счастье, как счастье. Иного не надо.
Ты — рядом, и лучшего я не хочу.
Но только порою мне Божья награда
Чуть-чуть не по силам, и не по плечу.

...Развернувшийся день неподвижно-прекрасен,
Равнодушен, высок, величав.
День огромный, как век. Я сегодня согласен
Все простить, ничего не поняв.

ЗЕМЛЯ ИЗРАИЛЬСКАЯ

Еве Киршнер

Я шел по берегу Тивериады
И в радости, божественно угрюмой
(Как будто сердце радо и не радо),
Бродил между камней Капернаума,
Где некогда... Послушай и подумай
В тени, в пыли оливкового сада.

Все тот же голос во вселенском баре,
Бессонный, мировой, неотвратимый,
О половом неутолимом жаре,
И те же (Всем ! За грош ! ! Неутомимо ! ! !)
Кинематографические хари
На стенах града - Иерусалима.

Что рассказать тебе про Палестину ?
Что помню я ? Безлюдную Седжеру,
Оранжевое облако хамсина,
Степенный голос астраханца - гера,
И узкую обиженную спину
Подстреленного мальчика-шомера.

Надменного верблюда над корытом,
Немых пейсатых цадиков из Цфата,
Сухое небо вечности несытой
Над детством мира, гибелью объятым.
И стертые бесчисленные плиты
Безумных мертвецов Иосафата.

И девушку, по имени Юдифь,
Что долго вслед рукой махала смуглой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИЗ КНИГИ МОИХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

ИЗ ВТОРОЙ КНИГИ СТИХОВ

ИЗ КНИГИ **ПАРИЖСКИЕ НОЧИ**

ИЗ КНИГИ **НАСУЩНАЯ ЛЮБОВЬ**

ИЗ ЦИКЛА **ПРАРОДИНА**

книга
МОИХ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ
была отпечатана в июне тысяча девятьсот двадцать пятого года в типографии Наварр для издательства ПТИЦЕЛОВ в Париже.
ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВ
была отпечатана в январе тысяча девятьсот двадцать восьмого года года в типографии Наварр в Париже. Издание автора.
книга
ПАРИЖСКИЕ НОЧИ
была отпечатана в марте тысяча девятьсот тридцать второго года в типографии Паскаль для издательства РОДНИК в Париже.
книга
НАСУЩНАЯ ЛЮБОВЬ
была отпечатана в январе тысяча девятьсот тридцать восьмого года в типографии Валь для издательства ДОМ РУССКОЙ КНИГИ в Париже.
стихи из цикла
ПРАРОДИНА
были помещены в изданиях СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ — РУССКИЕ ЗАПИСКИ — РУССКИЕ НОВОСТИ — ЭСТАФЕТА
1938—1948

книга и з б р а н н ы е с т и х и довида кнута
отпечатана в imprimerie moderne de la presse в париже
в мае тысяча девятьсот сорок девятого года